

11. Тишина

Дазай и Джирайя нашли общий язык.

Нет, даже не так: Джирайя и Дазай нашли общий язык и, кажется, немного даже подружились, насколько вообще могут подружиться саннин и простой, однорукий джонин. Учиха вдобавок.

Какаши перевернулся на кровати в гостинице, прижимая подушку плотнее к уху. Слушать их веселую болтовню за стеной было... не то чтобы невыносимо... просто три ночи подряд, после которых старшие отправляли на поиски Цунаде младших, а сами отсыпались. Учиха, конечно, первый день пытался выйти "на службу", однако под скептическими взглядами Шисуи и Какаши быстро сдался и вернулся в гостиницу. Вот что делает с исполнительными Учиха вседозволенность тайчо.

Как искать Цунаде ни Шисуи, ни Какаши не представляли, хотя нинкены и вороны постоянно прочесывали город.

— Ками-сама, — очередной взрыв хохота, на соседней кровати ворочается Шисуи. Потом тяжело вздыхает и встает. — Схожу-ка я до старших.

Учиха каким-то шестым чувством знает, что Какаши не спит, хотя тот неподвижно лежит вот уже второй (третий?) час подряд. Слишком устал, чтобы что-то делать, и слишком "бодр", чтобы спать.

Смех на какое-то время затих, и после возвращения Шисуи тишина за стенкой была идеальная...

Какаши начал засыпать, когда громогласный хохот Джирайи-сама и звон "чоканья" вновь вырвали его из сладкой полудремы.

Шисуи тяжело вздохнул.

— Они сказали искать Цунаде-сама в игорных домах. За городом.

Какаши мысленно стукнулся лбом о стенку. Три дня они прочесывали город. Три чертовых, выматывающих дня. А надо было искать не в городе, а за ним.

Очень захотелось отчитать Дазая за халатное отношение к миссии, доверенной ему Хокаге. И Фугаку-сама заодно помянуть... чтоб совесть наверняка проснулась.

***

— Как Яхико? — Нагато топтался возле дома старосты, который временно сделали полевым госпиталем. Вышедший Минато протянул ему свиток.

— Пока мы ничем не можем ему помочь, — и прежде чем Нагато заговорит, продолжил. — Я сказал "пока", как только наш ирѐенин вернется, мы обязательно вылечим твоего... друга. Ты пока в Амэ за главного, поэтому пусть свиток с ним будет у тебя, когда придет время, мы пригласим вас в Коноху.

Нагато молча поклонился. Он не умел выражать благодарность, но сейчас это казалось ему так... правильно.

— Фугаку, готов? Выдвигаемся, — окликнул мимо проходившего Учиха Минато. Последние два дня, что они провели в Амэ, Нагато заметил, что отношения между этими двумя стали гораздо теплее, чем в Конохе. Куда-то исчезли суффиксы и неловкая отстраненность.

— Хай, дай мне полчаса, я почти закончил, — отозвался тот не останавливаясь. Хокаге весело хмыкнул.

— Ладно, — Минато растрепал волосы Нагато и вернулся в дом. Узумаки прикрыл глаза, от удовольствия щурясь на солнце. После смерти Ханзо дождя еще ни разу не было.

— Хокаге-сан, — Конан поймала их на выходе из поселения. Минато с Фугаку, приняв дары и благодарности, покидали Амэ. — Позвольте еще раз поблагодарить вас за помощь.

Девушка поклонилась, а потом посмотрела на них очень внимательно, одними губами прошептав.

— Я думаю, вы должны знать. Во время войны к нам приходил человек в маске. Он предложил план о создании мира, в котором никогда не будет боли и войн. Безумный план, — потом выпрямилась и лучезарно улыбнулась, лишь потом почти не шевеля губами, добавив. — Ему нужны биджу.

И отступила, давая Хокаге с Учиха пройти.

***

Некоторое время они шли в абсолютной тишине, а потом Минато спросил.

— Что думаешь?

Читать по губам они умели очень хорошо — профессия обязывает, поэтому оба "услышали" то, что хотела донести до них Конан.

— Что мне это не нравится, — пожал плечами Фугаку. — Если это правда, и этот человек действительно собирается действовать, то нужно обезопасить наших джинчурики. Я думаю, Коноха будет первой на очереди. Санби и Кьюби — не последние по силе биджу.

— Даже "последний" по силе биджу дьявольски разрушителен, — пожал плечами Минато.

Они переглянулись и снова погрузились в свои мысли.

На родной земле шел снег. Зима в этом году была странная, временами настолько холодная, что в Академии отменили занятия, а временами настолько теплая, что весь снег таял и люди начинали ходить в жилетах и кофтах. Вот снова... снег.

Пошутив на эту тему, они устроили короткий привал, чтобы подкрепиться, когда Минато предложил.

— Что если найти того, кто в маске?

— И что мы с ним сделаем? — вздернул бровь Фугаку. — Такие идеи на нормальную голову не приходят, так что поговорить вряд ли получится. Да и что он может сделать с миром с помощью биджу? Разве что уничтожить его.

— Надо будет поискать информацию.

Фугаку молча согласился. В любом случае, сначала дом, потом все остальное... как бы Микото его не убила по возвращении, не предупредив исчез почти на пять дней (день пути, три дня в Амэ, и вот еще один день пути), а это вам не шутки... беременная Учиха обладала крайне взрывным характером, копируя свою подругу. Так что...

Судя по сочувствующему хлопку со стороны Хокаге, тот понял, о чем думает Фугаку.

***

Какаши с Шисуи нервно крутили между пальцев кунаи, постоянно оглядывались и искали не Цунаде-химе, а выход с этого страшного места... и желательно поскорее.

Потому что бордель-казино-таверна-бордель и так далее, это явно не то, к чему готовила их жизнь. Тем более заходить в каждое здание, под насмешливые взгляды им уже порядком надоело.

Призывов, почему-то, никуда не пускали — даже на порог, поэтому приходилось ограничиваться своими силами. А при мысли, что цель уже покинула сию дружелюбную обитель становилось... по-крайней мере досадно.

— Слушай, Какаши, — Шисуи шел почти вплотную. — Тебе не кажется, что это уже издевательство?

Абсолютно серьезный тон и маска... и веселые искорки в глазах. Закатив глаза, Какаши молча согласился с приятелем.

Издевательство. Явное. Открытое. Беспощадное.

***

— Можно я некоторое время у вас поживу? — когда впереди показалась Коноха, спросил Фугаку, представляя что будет дома. Жену он нежно любил и обожал, но вот рука у нее, джонина, была более чем просто тяжелой.

Вот так вот сильнейшими шиноби и становятся женщины, ведь заставить бояться человека, победившего Саламандра и разобравшегося с прочими — это надо уметь.

12. Предвкушение и счастье

Итачи сидел на веранде, грея руки о чашку с чаем. Мама хлопотала по кухне, а он сам, вернувшийся с тренировки и сделавший уроки, теперь смиренно ожидал ужина. Семейная идиллия... если не считать снова куда-то исчезнувшего отца.

Итачи тяжело вздохнул. Мама ругалась, конечно... но не так сильно, как того ожидали все остальные. Известие о том, что глава клана умчался с Хокаге и Нагато в сторону Амэ, она восприняла на удивление спокойно.

Потом, правда, забрала его на тренировку, где они вместе метали кунаи.

Итачи слабо улыбнулся воспоминаниям. Кунаи матери входили в мишень почти по рукоять, а сама она двигалась достаточно быстро, хотя и слишком тяжело, как на взгляд Итачи.

Потом, правда, его маленький братик (или сестричка) устроили небольшой бунт и весь следующий день Микото провела дома.

Тут на веранду дома, шуншином, перенесся Моэто, который с опаской кинул взгляд вглубь дома.

— Привет, щегол-наследник, — растрепал он его волосы, слабо улыбнувшись и снова этот опасливый взгляд в дом. — Как госпожа?

Итачи кивнул ему.

— Здравствуйте, Моэто-сан. Ка-сан отлично. А что?

Моэто дергано улыбнулся.

— Видишь ли, кое-кто попросил меня узнать, в каком точно настроении сегодня госпожа... потому что ... э-э-э... видишь ли, это очень важно...

— Что там такого важного, Моэто-кун? — появилась на веранде и сама Микото, грозно упирая руки в бока и вздергивая бровь.

Моэто сглотнул.

— Видите ли... госпожа... э-э-э... как бы вам сказать... — он попятился, — там это... господин Хокаге с главой клана вернулись... ну... сегодня... да....

Микото улыбнулась. Моэто дал деру. Итачи недоуменно посмотрел сначала на маму, "нежная и мягкая" улыбка которой не обещала ничего хорошего, а потом на то место, где только секунду назад обретался второй помощник его отца.

— Ка-чан, — он сделал большие глаза (как учил его Шисуи) и тихо спросил. — То-сан вернулся?

Микото ласково потрепала его одной рукой по волосам. Во второй руке была поварешка...

***

Фугаку и Минато прятались от разъяренных супругов за Моэто, который живым, (не)добровольным щитом оказался совершенно случайно. Как говорится, от чего бежал, к тому и прибежал. В целом не то чтобы они прятались (Хокаге и глава клана Учиха не прячутся!), просто как иначе объяснить тот факт, что Кушина и Микото стояли с одной стороны, а Минато с Фугаку с другой, и разделял их только один Моэто?

— А ну идите сюда, дат-тебане! — сковородка со страшным стуком ударилась о стол. Минато сглотнул и сделал шаг в сторону.

Микото молча, но многообещающе согнула поварешку пополам.

— Мы можем все объяснить, — стал переговорщиком Фугаку, внимательно отслеживая смену эмоций на лице супруги. — Это была крайне важная и приоритетная в своей значимости для деревни миссия, от которой зависело политическое положение... э-э-э... Конохи на территории

Амэ...

На лицах жен не изменилось ровным счетом ничего. Моэто побелел еще сильнее.

— Куши, мы спасали твоего родственника и его друзей...

— Убили предателя Данзо, а также Ханзо Саламандра... вы же понимаете, как много это значит?

— Мы заключили мирный договор с Амэ... сейчас лидер в стране Дождя Нагато... Куши? Кушина, убери, пожалуйста, кунай!

В комнате воцарилась абсолютная тишина. Ненадолго, правда, потому что Микото, которая начала движение к своему мужу явно с целью "как минимум побить", вдруг резко согнулась пополам.

— Мико... Микото? — Фугаку мгновенно оказался рядом с ней, забывая про угрозу своей жизни. — Что случилось? Все в порядке? Позвать ирьенинов?

Она метнула на него раздраженный взгляд и, спустя напряженную минуту, наконец выдавила.

— Видимо, твой будущий ребенок совершенно против того, чтобы я тебя сейчас убивала. Живи.

Фугаку облегченно выдохнул и крепко обнял жену, мысленно благодаря своего ребенка, который так вовремя толкнулся (или что он сделал, что Микото так резко стало... ну... не хорошо?).

Кушина же вздохнула, огорченная потерей в рядах, и двинулась к Минато. Моэто, поняв, что жизни главы клана больше ничего не угрожает, со скоростью света убрался с пути Кровавой Хабонеро... Намикадзе же, отступив до самой стены (Фугаку, предатель!), построил самое жалобное выражение, когда Узумаки хмыкнула и вдруг очень крепко обняла нерадивого супруга, что-то шепнув ему на ухо.

Что-то, отчего лицо Минато Намикадзе стало совершенно обалдевшего вида.

— Я стану батей... хы-ы-ы... — и обняв жену в ответ, в следующий момент уже закружил ее по кухне, весело смеясь.

***

Какаши нашел Цунаде.

Шисуи сидел напротив принцессы Сенджу, не подозревая, что выражение его лица копирует находящегося сейчас в Конохе Намикадзе... оно было таким же обалдевшим и таким же почти-обожаящим.

Потому что... мать его... Какаши Хатаке нашел Цунаде Сенджу.

А то, что она возвращаться не хотела... это поправимо. Главное, что они ее нашли.

***

Жизнь определенно налаживалась.

Именно так думал Фугаку, спустя неделю, после возвращения в Коноху. Смерть Данзо особо не афишировали — предательство все же страшный грех, и то, что Минато не вынес все доказательства на общий суд, считалось едва ли не самой большой милостью по отношению к клану Шимура. Официальной версией была смерть на миссии — не удивительно, учитывая его инвалидность. Хотя, конечно, и Фугаку и Минато смущал тот факт, что Данзо позволил себе так легко попасться. Их обоих не оставляло чувство что... слишком это было все наиграно, будто бы он хотел попасться...

Однако в Конохе его теперь точно не было. А искать официально объявленного мертвым человека по другим странам — дело неблагодарное.

Однако проходил месяц, второй... ничего не происходило. Сарутоби нарезал круги вокруг Минато, который, как казалось, о том самом разговоре забыл.

У Шиби родился сын — Шино. И не раз Фугаку ловил на себе его благодарный взгляд. Спустя время Абураме по-настоящему оценил прощение Хокаге. А воспитать патриота — цель каждого родителя-шиноби, так что плата за прощение была даже более, чем просто символична. Иноичи же старался не отвечивать, что на фоне тоже беременной Инои у него прекрасно получалось.

Одним словом в Конохе воцарились мир и спокойствие довоенных лет.

Фугаку откинулся на спинку кресла в своем кабинете.

Внешние мир и спокойствие...

«— Ты же понимаешь, что Сандайме этого так не оставит? Как много ты на него нашел?»

— Все под контролем. Нет нужды беспокоиться. Он получил предупреждение.

— Как много ты видел политиков, которые получив предупреждение действительно останавливаются?

— Это уже мое дело. Как Хокаге я считаю, что этого хватит.

— Это твое окончательное слово? Ты действительно ничего не будешь с ним делать?

— Да.

— Что ж, ладно, доверимся вам, Хокаге-сан. Но знаешь... обезьяны бывают хитрее змей, Минато. Запомни это.»

Тот разговор не давал ему покоя... То, что Минато спустил ситуацию с Сарутоби на тормозах, явно было из-за того влияния, которое Сандайме оказал на Намикадзе в детстве и юношестве. И тот факт, что Фугаку до сих пор не знал о том, что же Минато нашел на Хирузена, навел на очень неприятные мысли. Намикадзе явно не хотел делиться такой информацией... Смутно... очень смутно...

— То-сан? — дверь в кабинет приоткрылась, показалась голова Итачи.

— С тренировки? — бросив взгляд на часы удивился... как быстро наступил обед... Накинув джонинский жилет, вместе с сыном направился в сторону дома.

Итачи немного говорил, но в последнее время стал чаще делиться своими мыслями и наработками. Уже сейчас он был самым лучшим среди шиноби от пяти до четырнадцати, уступая в мастерстве и опыте лишь Какаши и Шисуи.

Фугаку слабо улыбнулся ребятам, которые ожидали у входа в здание полиции. Какаши, Норико и Шисуи стали новой командой, сенсеем которой стал Дазай. Минато, по-началу возражавший, теперь лишь с облегчением смотрел на своего ученика. Хатаке ожил. Не было больше в его взгляде той обреченной усталости от боли потерь. Он снова мог улыбаться и, хотя новая команда безумно напоминала ему старую, он научился воспринимать их как своих.

Норико — джинчурики Санби, так и не смогла восстановиться как ирьенин, теперь став чистым боевиком. За ней, помимо сенсея команды и Шисуи, постоянно следили АНБУ и АНБУ НЕ... корень теперь возглавил один из приближенных Данзо, который, к счастью, был не таким амбициозным как предшественник. Девочкой она была тихой, непримечательной, но от гениев Хатаке и Учиха старалась не отставать, а те, в свою очередь, всячески ей в этом помогали. Впрочем, как сказал однажды Дазай, из всей этой команды он один ничем не выделялся.

— Приятного аппетита, Фугаку-сан, — улыбнулись Норико с Шисуи, Какаши сдержанно кивнул, он шел с ними. — Встретимся на полигоне, Итачи, Какаши.

Итачи согласно кивнул. Он, в своем роде, даже гордился тем, что такая команда воспринимает его как равного.

Фугаку умиротворенно вздохнул. Дети... в кои-то веки действительно похожие на детей.

И, конечно, очень приятно было осознавать, что он принял в этом самое прямое участие.

Клан, в этом плане, претерпел огромные изменения. Теперь студенты Академии, сразу после "официальных" уроков, спешили на клановые занятия — многие втянулись в новые предметы. Фугаку точно знал, что третья часть подростков вместо карьеры шиноби теперь планировала осваивать бухгалтерию, биологию (чтобы потом уйти в иренины), физику (в клане даже создали специальный "кружок", в котором разрабатывали новые техники именно на основе физических законов", участников кружка все дружно прозвали теоретиками) и математику, которая оказалась очень тесно связана с мастерством фуин (точнее помогала делать более верные и точные расчеты, которые улучшали качество печатей). Это, конечно же, не значило, что они забросили боевую часть...

Фугаку улыбнулся.

После того, как старейшины увидели статистику погибших Учиха, тренировки в этом плане ужесточились настолько, что ему было даже жалко молодежь (и не только) клана. Впрочем... ради их же блага.

Теперь у многих не было времени даже просто чтобы выйти за пределы клана, не говоря уже о том, чтобы заирать бесклановых (подростки) или без дела слоняться по городу (чем часто промышляло более старшее поколение). Учиха почти полностью закрылись, погрузившись в саморазвитие и миссии.

Фугаку почувствовал, как Итачи взял его за руку. Как и все дети, он был очень контактным, пусть и старался всячески от этого избавиться. Впрочем, в последнее время ему даже нравилось показывать всем "какой у него папа". Фугаку, которого по -началу не восприняли всерьез, учитывая шум и шорох, который он развел, теперь уважали еще сильнее, чем до его назначения. Немалую роль сыграло в этом и убийство Ханзо Саламандры. Старейшины перестали возмущаться и более благосклонно воспринимали любое предложение главы.

Сегодня на обед собирались у них — учитывая положение Микото и Кушины, они, в последнее время, все чаще собирались вместе. Один день у Учиха, другой у Намикадзе-Узумаки. И готовили, как всегда, своей шумной компанией, вместе. Это была какая-то странная, особенному семейная, традиция. Какаши с Итачи накрывали на стол, а он с Минато готовили, пока Кушина с Микото болтали обо всем на свете. Иногда готовили и девушки, но они предпочитали пользоваться услугами (временными услугами!) своих мужей.

— Мы дома, — возвестил Фугаку, стоило им переступить порог дома.

Какаши тут же скользнул в уборную — мыть руки и приводить себя в порядок после тренировки, а Итачи в сторону своей комнаты, оставив Фугаку одного. Тот улыбнулся и прошел до кухни, на ходу снимая фартук с крючка.

Минато уже нарезал что-то, и приветственно кивнул ему, когда он встал за раковину, чтобы помыть руки и находящиеся там овощи.

— Что у нас на сегодня?

— Дамы пожелали карри и какие-нибудь легкие салаты, — подкинув нож, Минато поймал его другой рукой и легко ссыпал нарезанное мясо в кастрюлю.

— У дам неплохой вкус, — Фугаку достал вторую доску и стал выкладывать на нее овощи. — Я займусь салатами.

Минато кивнул. На кухне появились Итачи с Какаши.

— Все как обычно? — уточнил Какаши, принимаясь вытаскивать тарелки.

Мужчины кивнули.

Хлопнула входная дверь. Фугаку почувствовал знакомую чакру — Цунаде Сенджу.

— Мы позвали химэ Сенджу? — мимоходом уточнил он, скидывая нарезанные огурцы в чашу.

— Итачи, положи помидор на место. Он мне для салата нужен.

Сын, недовольный тем, что его спалили, положил помидор на место. В последнее время он повадился их есть так, как будто это было что-то вроде конфет.

— Я думал, ты в курсе, — удивился Минато. — Микото захотела поговорить с ней по поводу обучения ваших куноичи ирьедзюцу.

Фугаку вздохнул. Точно... у него совсем это вылетело из головы.

Цунаде, которую вернули в деревню спустя два дня после возвращения их с Амэ, вначале была жутко недовольна.

«— Я вернулась только потому, что эти, — кивок на Шисуи с Какаши, — не отходили от меня ни на шаг. Что тебе нужно от меня, Минато?»

Потом, когда она собралась было снова триумфально уйти из деревни, примчался вызванный

наспех Нагато со свитком с Яхико. И ему стоило бешеных усилий, и два дня, чтобы уговорить Сенджу хотя бы осмотреть его друга. Противоядие в это время все еще разрабатывалось. Потом Цунаде сжалилась и, пересилив себя, взялась за это дело. Потом за еще одно, еще одно... и уже через две недели обнаружила себя главой госпиталя, который ее усилиями претерпевал огромные изменения. По ней было видно, что ей с трудом дается жизнь в Конохе, но огромное количество работы и запущенное состояние госпиталя отвлекало ее от самокопания и боли утраты. Так Цунаде Сенджу стала трудоголиком.

А потом Микото Учиха вдруг решила, что ей, Цунаде, было бы интересно поработать с клановыми куноичи, которые уже некоторое время изучают биологию. Систематизируют данные, рисуют скелеты и прочее и прочее... в общем целенаправленно изучают строение шиноби, под лозунгом "что это такое и как оно работает".

Покачив головой, попросил Какаши добавить дополнительные приборы.

Жизнь определенно налаживалась.

***

Лето наступило неожиданно. Даже слишком.

Как и девятый месяц Микото.

Фугаку с каждым днем становился все дерганей, постоянно промывая мозги Моэто и Дазая на тему того, что им надо будет сделать, если у госпожи отойдут воды, а его в этот момент не будет рядом.

Весь клан стал ходить на цыпочках. Злить и без того раздраженного, малоспящего и усталого главу клана, у которого на носу было также сопровождение группы на экзамен на чуунина, не хотелось никому.

Когда в кабинет Учиха ворвался Намикадзе, Фугаку был готов пришибить того на месте, но тот лишь отодвинул его кресло и шмыгнул под стол. В следующий момент в кабинет не менее громко ворвалась Кушина Узумаки. Беременная Кушина Узумаки. И злая как биджу.

Дазай попытался слиться со стеной. Как и Фугаку.

— Где он?!

— Кто? — сглотнул Учиха.

— Минато, чтоб его биджу разорвал, Намикадзе!

— С чего ты взяла, что он здесь? — Минато-Минато, что ты натворил на этот раз?

— Не зли меня, Учиха!

— Кушина, я работаю здесь весь день, и в глаза не видел твоего дорогого мужа, — мягко и успокаивающе начал Фугаку. — Может он сейчас дома? Или в Резиденции?

— Фугаку!

Учиха сглотнул. Минато, предатель, не мог куда в другое место побежать?! Почему теперь он тоже должен попасть под тяжелую руку Кровавой Хабонеро? Особенно в это время...

— Глава клана! Фугаку-сан! — о да, Моэто, ты выбрал очень удачное время, чтобы ввалиться сейчас в окно! — Госпожа! Микото-сан в госпитале!

Кушина застыла. Фугаку подорвался, совершенно случайно пнув при этом Минато. К черту семейные разборки Намикадзе-Узумаки.

— Что с ней?!

Моэто начал что-то тараторить, энергично размахивая руками, но Фугаку уже его не слышал. Микото-Микото-Микото-Микото!

Череда шуншинов, а потом он врывается в госпиталь как самый последний гражданский, хотя желание использовать техники, чтобы пробиться к супруге нестерпимо.

Какой-то смертный тормозит его у самого входа в родильное отделение.

— Вам туда нельзя...

— Микото Учиха!

— Да, госпожа химэ здесь, с ней Цунаде-химэ...

— Пропусти!

— Не велено...

— Пропусти, кому говорю!

— Фугаку-сан, успокойтесь, с вашей женой все будет хорошо...

Глубокий вдох... выдох... точно, чего он перепугался?

Вдох-выдох...

Все хорошо...

Вдох-выдох...

О Ками-сама, что делать?!

***

Фугаку нервно расхаживал перед палатой. Слышно ничего не было — заглушающие фуин-печати, будь они неладны. Рядом сидели Минато (подбитый, видимо Кушина до него-таки добралась), сама Кушина, нервничающая также сильно, что и Фугаку, Итачи, Какаши, Шисуи, Дазай и Моэто... был кто-то еще, но Фугаку их как-то не замечал. И без того народу было много...

— Сколько прошло времени? — вдруг остановился он. С того момента, как Моэто сообщил, что Микото рождает, он как-то выпал из жизни, абсолютно перестав себя контролировать от волнения.

— Три часа, — посмотрев на часы напротив, сообщил Дазай.

И снова тишина.

Кто-то уходил, кто-то приходил.

Дазай забрал команду на обед, потом они вернулись с ramenом из Ичираку. Фугаку вкуса еды не чувствовал.

Он прокручивал в голове все, что знал про роды. Страшно боялся того, что Микото не выдержит. Вспоминал, сколько женщин умирают при родах (впервые за долгое время, туманной вспышкой, вспомнилась Земля). Волновался настолько, что, кажется, даже не заметил, как ушел Моэто и как вернулись Дазай с учениками. Течение времени просто не ощущалось.

Но одну фразу он услышал ясно. И на тот момент ему показалось, что эти слова перевернули всю его жизнь.

— Поздравляю, у вас мальчик!

13. Переплетение судеб

— Мальчик... — блаженно выдал Фугаку, медленно опускаясь на скамейку. Кто-то похлопал его по плечу, слышались рядом чьи-то радостные вопли, крепко держал его за рукав Итачи. Мутный, от ошеломляющего счастья, взгляд нашел все еще стоящую рядом с ним медсестру. Она, скрестив руки, с довольной улыбкой что-то ждала.

— Ну? К ребенку с госпожой химэ идете?

Минута, за которую до него таки дошел смысл данных слов, и, подхватив Итачи на руки, Фугаку уже исчез в палате.

Медсестра снова улыбнулась.

— Как в первый раз, ей-богу.

***

В палате уже заканчивалась уборка, Фугаку лишь краем глаза заметил вышедшую на балкон Цунаде (а что вы думаете? Он глава клана, может позволить для супруги удобную палату), и почти сразу же оказался рядом с Микото.

Теплый солнечный свет, легкий ветер за окном, что весело резвился в кроне дерева — все это вдруг Фугаку прочувствовал так ярко, что даже не сразу смог сосредоточиться сначала на лице супруги, а потом и на лице новорожденного сына... однако стоило ему увидеть его, как он тут же крепко-крепко зажмурился.

Господи, как тот Фугаку вообще пережил такое счастье?

— Это мой маленький отото, ка-чан? — из своеобразного, мечтательного транса, где этот сверток вырос и уже даже женился, Фугаку выдернул голос Итачи.

— Да, — Микото провела ладонью по щеке старшего, поудобней устраиваясь на подушках.

— А как его зовут? — по Итачи было видно: еще чуть-чуть, и он заберется к матери на кровать, чтобы получше разглядеть братика.

Микото посмотрела на Фугаку, и мягко ему улыбнулась. Реакция мужа на ребенка не изменилась совсем. На Итачи он четыре года назад (не)смотрел точно также, боясь даже шелохнуться.

— Как его зовут, Фугаку? — тихо, но с явной (умилительной) улыбкой, спросила она.

Тут он едва исполнил все свои прогнозы по поводу обморока: он только-только от рождения сына в чувство пришел (и это при том, что рожала-то Микото!), а ему дают еще и право как назвать ребенка! Микото определенно если не святая, то очень близко.

— А как бы ты хотела его назвать? — и сам удивился от того, как тихо и мягко прозвучал вопрос. Микото просияла и сразу же выдала (видимо много думала и переживала по этому поводу):

— Саске?..

Саске-дураске — сразу же выдал абсолютно выбитый из состояния работоспособности мозг.

— Саске? — переспросил уже он.

— Да, в честь отца Третьего...

— В честь отца Хирузена Сарутоби... — заторможено повторил он сам. Нет, конечно, если любимая так хочет... Но в честь отца бывшего Хокаге... Да еще и в такую рифму... хотя, конечно, кому придет в голову обзывать его сына? Но в честь отца Третьего...

— Милый?

— Ну, привет, Саске, — не давая себе времени отступить, обратился к сопящему свертку, а потом склонился ласково целуя Микото в лоб. — Ты самая лучшая.

Глядя, как расцветает супруга, начал склоняться к мысли: кому какая разница, в честь кого они назвали сына? А будут недовольные, он им методом полоскания мозгов объяснит, что это не их дело.

***

— Поздравляю, — когда на следующий день Фугаку вполз в кабинет Хокаге, с порога заявил ему Минато.

А они, на минуточку, вчера вместе праздновали и это самое слово Минато говорил едва ли не

каждый тост... что ж, видимо придется ему "отомстить", когда у Намикадзе у самого случится такое счастье.

— Спасибо, — уже привычно отозвался он, занимая удобное место у стенки (прямо под портретом Второго). — Что-то стряслось?

Минато неопределенно пожал плечами и отложил в его сторону две папки.

— Здесь твоя миссия и задание лично от меня.

Фугаку вздернул бровь, однако папку (самую толстую) взял и принялся читать.

Так... руководство и сопровождение двадцати групп геннинов на экзамен на чуннина — об этом он узнал еще в прошлом месяце, и уже закончил подготовку. В папке был список групп, характеристики участников, ответственные за их обустройство на "той" стороне, краткий инструктаж для геннинов, краткий инструктаж для их сенсеев, краткий инструктаж для него самого, ну и, конечно же, перечисление сколько и кто будет от других деревень. Ничего сложного... но надо будет собрать сенсеев за день до выхода. Уже закрывая папку наткнулся на строчку, что его напарником в этой миссии будет...

— Хиаши Хьюга? С какой такой радости?

— Изначально планировалось отправить обоих Хьюга, однако потом произошел тот разговор и, — Минато снова неопределенно пожал плечами. — В общем, так.

Фугаку пролистнул папку до той информации, которую, как он думал, он будет изучать дома.

— Главы деревень Водопадов, Дождя и Надешико, Цучикаге, Райкаге и Казекаге... ты не едешь? — вот уж новость: руководители всех стран едут, а Хокаге нет.

Минато покачал головой.

— Если там будем мы оба, то боюсь, что Райкаге хватит сердечный удар, — слабо улыбнулся он. — Тем более, что в Конохе и без этого экзамена дел полно, а ты вполне неплохо справишься с налаживанием контактов.

Райкаге — сразу вспомнилась одна из битв, где Фугаку столкнулся с ним в сражении. И это учитывая тот факт, что буквально через несколько дней в такой же ситуации оказался и Минато. Да уж, теперь он "помнит", что терпением Эй не отличается...

Так, ладно, с этим все понятно, а хвосты подобрать не проблема. Что там со второй папкой?

Ага... досье.

Сасори Красного Песка, двадцать лет, нукенин S-ранга, марионетчик...

А Минато пояснил.

— В Суне одновременно будет проводится два мероприятия. Ежегодный Аукцион Палящей Пустыни и экзамен на чуннина. И, насколько мне известно, в этом году в торгах будет участвовать уникальный лот...

— И Сасори Красного Песка планирует за ним явиться? — сложил два плюс два Фугаку.

Минато кивнул.

Так-так, становится понятным назначение в этой миссии Хьюга. Видимо основную сумму за покупку сей уникальности вносят именно они. Интересно, кому удалось убедить этих аналогов евреев из его мира раскошелиться?

— То есть я не должен дать Акасуна увести у Конохи лот. А учитывая, что он разыскиваемый нукенин, и что торговаться он вряд ли будет, то это именно боевое задание на устранение противника?

Минато кивнул.

— Сколько дают за его голову? — задумался Фугаку.

— На данный момент уже годовой доход одного из малых кланов, наподобие Курама, и сумма постоянно растет, — Минато сел и сложил руки домиком. — Если получится сохранить тело, сможешь получить награду.

Припомнив инфу, что он насобирал на другие кланы, присвистнул. Годовой доход Курама, конечно, это не мировое богатство, но тоже очень даже немало. И, главное, он наконец-то сможет пустить деньги в дело, чего с доходов Учиха пока не получалось, постольку-поскольку все деньги уже были в обороте, и прибыль от них планировалась только в новом году.

— Но основная цель, это, конечно, получение самого лота, — вдруг вставил Минато. Фугаку кивнул. Он, конечно, только-только начал осваивать боевку, но задание не такое уж и сложное: уж отогнать-то нукенина он точно сможет.

Забрав папки с собой, Фугаку откланялся и исчез в своем кабинете: собирать и обрабатывать информацию.

***

Глава малой деревни Водопадов, рослый мужчина с редкой проседью седых волос, серьезным взглядом темных глаз и какой-то добродушной улыбкой вызывал невольное расположение. Хисэн Скрытого Водопада по описанию из досье представлялся честным, прямым, но местами даже радикальным и жестким характером: чего стоило одна история о том, как он отвоевывал у Каге малых деревень Семихвостого. Имеется сын: Шibuки Скрытого Водопада, который как раз в этом году и будет сдавать экзамен. Вместе с другими девятью командами. Всего, получается, от Такигакуре будет десять команд (тридцать геннинов), столько же наставников и двое ответственных (Такикаге в их числе), тобишь не считая охрану Каге: сорок два человека. Деревня достаточно сильна: ее шиноби практически всегда достигают ранга джонинна, да и тот факт, что она перехватывает почти все серьезные миссии у соседних, малых, деревень говорит сам за себя.

Глава малой деревни Дождя, он же Яхико. За последние полгода, что прошли с того инцидента с Ханзо, Яхико успел стать частым гостем в Конохе. Теперь Дождь был одним из самых верных союзников Конохи, уже просто за то, что именно ирренин Листа вытащил Яхико Скрытого Дождя (Господи, что за привычка брать вместо фамилии название деревни?) из загробного мира. Кстати, стоит отметить, что среди Каге, что будут присутствовать на экзамене, Яхико самый молодой. К счастью, экзамен он сдавать не будет (а то Фугаку сомневался за честный исход данного мероприятия, все же по силе мальчишка слабым ну никак не был), но от своей деревни отправил достаточно народу (как для Амэ так точно): девять команд. Как он их обучил за полгода, или это были еще геннины времен Ханзо, Фугаку не знал, но народу прибывало всего на четырех меньше, чем у Водопада. Впрочем не сказать, что они и по силе отстают, возможно в недалеком будущем они смогут догнать не только Водопад, но и великую пятерку (хотя здесь уж как эта самая пятерка позволит, что вряд ли).

А вот этот, наоборот, самый старый из Каге на данный момент: Цучикаге, глава одной из Пяти Великих Деревень (конкретно Камня), по имени Ооноки Обеих Чаш Весов. Даже по фотографии было видно, что это крайне сложная личность, обладающая взрывным характером, к которому наверняка идет еще и упрямство вкупе с гордостью. А уж большой красный нос вызывал ассоциацию с русскими, о которых за всю жизнь он слышал, в большинстве своем, только плохое. Впрочем, людей на экзамен он записал очень мало — всего четыре, — что для одной из Пяти очень странно. То есть от Камня не так уж и много: восемнадцать человек. Но стоит догадаться, что нервы они помочают не хуже всех остальных, как бы мало бы их не было.

Бумаги о следующих участниках информацией не радовали... от слова совсем.

Глава малой деревни Надешико, была единственной женщиной в этом списке. Звали ее... Джосей. Нет, действительно! Ни имени, ни фамилии, ни возраста! Только в графе «имя» указан пол*, да фотография, явно не лучшего качества. И, что удивительно, о том, что деревня маленькая и не подумаешь: семнадцать команд, всего на три меньше чем у Конохи! В Третьей мировой деревня практически не участвовала, но случаи с их участием замечены, конечно, были... к-конспирация на уровне, конечно. Как, впрочем, и уровень силы деревни: абсолютное самообеспечение, практически никаких торговых связей. А с фото на Фугаку смотрела красивая зеленоглазая женщина, с утонченными и изящными чертами лица. Однако вот взгляд, направленный в "камеру" говорил о том, что рука у этой женщины крайне тяжелая.

Райкаге, глава Облака (тоже одна из Пяти Великих, между прочим!), по воспоминаниям Фугаку обладал... паршивым характером. Ну, как соперники они не сошлись точно, а вот что по поводу нормального, цивилизованного общения он еще не знал (но надеялся, что агрессивности у данного типа по отношению к нему не будет, все-таки война — дело былое), а еще надеялся, что если вдруг облачники начнут проигрывать коноховцам, то Эй не побежит на арену или куда еще закинет испытуемых, вершить суд и справедливость своей тяжелой рукой Каге. Впрочем, тут уж стоило опасаться за своих ребят: численный перевес явно был не на стороне Листа. Двадцать семь команд, пятеро сопровождающих: сто сорок три человека, и это не включая в список группы сопровождения и охраны Каге...

Фугаку качнул головой. Он очень надеялся, что недавняя война вымотала всех, и мордобой развязывать никто не станет: численный перевес, конечно, дело решаемое, но все же неприятное преимущество соперника.

Ну и принимающая сторона: Сунагакуре во главе с Казекаге Киниро-но-Расой. Тобишь Раса в этой деревне не простой, а Золотой...

Фугаку встал, прошелся от окна к другому окну, помассировал виски и снова сел. Н-да уж, а то уже на сарказм поперло. И это во время работы!

Итак, Суна — деревня-организатор, на ком лежит миссия по приготовлению испытаний и тому подобному. То есть скорее всего, условия и испытания будут благоволять именно песчаникам, а это еще один повод поскорее устроить встречу сенсеев (на правах сопровождающего, естественно), и устроить им небольшую встряску.

Так, надо бы глянуть список своих участников, а то потом будут сю-...

— рпризы...

К-ха, к-хм! Пора наведаться к Хокаге.

***

Судя по тому, что он сейчас сидит в светлом кабинете, и перед ним сидят все те же двадцать джониннов, Хокаге он не убедил. И ведь не подкопаешься, все чин-по-чину, да еще так гладенько расписано, что хоть проклинай тот день, когда показал Намикадзе основы бумажного крюкотворства (тобишь бюрократии).

«Ну ничего, ничего, улыбайся, Дазай, улыбайся. Я твоим ребятам организую веселую неделю до отправления в Суну, да и по пути помучаю...»

Итак, во-первых: из-за того, что Какаши с Шисуйи свои звания джониннов получили во время войны, эти самые звания им теперь требовалось получить официально, а не перескакивая с

ранга на ранг. То есть сначала чуннин, потом уже джоннин. Впрочем, как Фугаку догадался, обратно в генины их вернули, чтобы был повод засунуть их на экзамен и показать всем соседям: смотрите, какие у нас дети! И ведь по возрасту подходят абсолютно, да и по всем официальным бумагам они до сих пор значатся как генинны, несмотря на то, что имеют полное джонинское обмундирование и привилегии.

И вот здесь начинается во-вторых. Если против участия уже сработавшейся тройки Шисуй-Какаши-Норики он еще был почти не против, то вот против участия сына был против категорически. И вот здесь, увы, против аргументов Минато сказать было нечего. Мальчик Академию закончил, с командой восемь заданий выполнил (ну и что, что волей Фугаку это были низкоуровневые миссии внутри деревни?), его сенсей (именем некто: Тсукико Аякши) рекомендовал команду на экзамен и Намикадзе не видел смысла ему отказывать. А малый возраст Итачи перебивался его талантом и даже более взрослым умом, чем у сокамандников: Тенму Изумо и Шинко Инари.

Остальные "генинны" тоже на гениннов похожи не были: все прошедшие войну и давно сменившие генинские жилеты на чунинские или даже джонинские.

Тяжело вздохнув, Фугаку принялся за инструктаж, подробно описывая все, начиная от того, в каком порядке и как нужно будет построиться по прибытию в Суну и заканчивая тем, что будет, если хоть кто-то из них опозорит Коноху.

Ками-сама, поскорей бы домой, к Микото...

***

Несмотря на то, что и Фугаку и Микото были шиноби, Саске научился выматывать их даже больше, чем все тренировки. Успокоить его, орущего посреди ночи, было заданием А ранга, а уж уснуть после такой встряски не представлялось возможным: мало ли что может его снова разбудить? Зато, в одну из таких ночей, обнаружилось, что он почти не плачет и спит, как убитый, когда с ним ходят. И ладно бы просто ходят — так успокаиваются практически все младенцы, — с Саске жизненно важно было ходить именно на улице. Так что теперь, стоило ему заплакать, Фугаку брал его на руки и шел на веранду, начиная выписывать вокруг дома круги.

Микото, конечно, пыталась отвоевать право на ночное дежурство, но Фугаку не давал: он прекрасно осознал, что какой бы умелой и сильной куноичи супруга не была, ей тоже надо отдыхать. Тем более, что Саске он видел в лучшем случае утром и вечером, а вот Микото сидела с ним весь день.

Но вот, спустя неделю после жизни в подобном ритме, буквально за два дня до выхода на экзамен, Фугаку проснулся... просто по привычке. Не от плача Саске, а именно по привычке... Ребенок не плакал?..

Поднявшись на локтях, посмотрел в сторону колыбели, и... схватился за сердце, чувствуя, как оно замирает от страха: над Саске склонился темный силуэт.

И лишь спустя долгое мгновение понимая, что силуэт этот, это никто иной, как Итачи.

«Да твою ж мать,» — едва не выдохнул от облегчения в полный голос он, высвобождаясь из объятий Микото и поднимаясь.

— Что такое, Итачи? — спросил он, подходя к сыну и вместе с ним наклоняясь над колыбелью. Саске весело агукнул и потянулся ручками сначала к отцу, потом к Итачи.

Фугаку протер глаза: ему это не снится? Саске реально не орет во все горло, требуя, чтобы его вынесли на улицу?

— Можно? — Итачи, как замороженный посмотрел сначала на отца, а потом снова на брата. Фугаку кивнул, аккуратно поднимая и передавая Саске Итачи.

Младенец разулыбался во весь свой беззубый рот, облизывая при этом плечо брату. Итачи добродушно усмехнулся и слегка покачал его на руках. Саске восторженно угукнул. Фугаку чуть не сел от такого. Это ж где такое видано, чтобы ребенок ни в какую не воспринимал отца с матерью, а вот брата: да пожалуйста? Это что за несправедливость такая?

— Прости, что разбудил, — извиняющееся посмотрел на отца Итачи, и Фугаку тяжело вздохнул.

Последнюю неделю они с Итачи практически не пересекались, что на фоне последнего, серьезного разговора создавало ощущение того, что отец и сын поссорились.

— Не беспокойся. Сам-то, чего вскочил?

Саске что-то залепетал, засовывая часть братской майки в рот, и они были вынуждены на время прерваться. Сначала чтобы отобрать сию "вкусность" у младенца, а потом чтобы переползти на кухню, где возмущение Саске не разбудило бы Микото.

И вот на столе то ли ранний завтрак, то ли очень поздний ужин, состоящий из чая да нарезанных фруктов, а отец и сын сидят друг напротив друга.

— То-сан, — вдруг начал было Итачи, а потом также резко замолк. — Прости...

Фугаку снова вздохнул.

В последний раз он достаточно строго отчитал Итачи. И, надо сказать, совершенно по делу: наследничек, ничего не сообщая отцу, вдруг записался на экзамен, а потом сделал вид, что так оно и надо. И ведь дело усугублял тот факт, что Итачи-то был не абы кем, а Учиха, причем наследником.

— За что?

— За то, что не посоветовался...

Фугаку вздернул бровь. Саске осуждающе посмотрел на отца, а потом снова попробовал затащить майку в рот. Итачи, мягко ему улыбаясь, эту майку вытаскивал и заменял на выплевываемую соску. Когда ему это удалось, он снова посмотрел на отца.

— Не помню, чтобы я был настолько категоричен, чтобы на подобное мероприятие ты записывался от меня тайком, — снова вздохнул Фугаку, делая глоток чая, всматриваясь в лицо Итачи. — Тем более... под подобным "покровительством".

Итачи опустил голову.

— Просто... он сказал, что так ты будешь гордиться мной куда сильнее, ведь это признак самостоятельности и силы наследника клана. И то, что я не пошел к тебе...

— Лишь добавит мне головной боли в лице твоей матери, которая решит, что это я тебя туда записал, — уже куда более мягко отозвался Фугаку. — Неужели мы настолько суровы к тебе, что ты даже ка-чан не поставил в известность, послушав... послушав ничем не обоснованные доводы совершенно чужого тебе человека?

Так... Итачи устыдился окончательно. И загрузился тоже, вон, даже не вытягивает из цепких пальчиков брата остатки обслюнявленной майки.

Он слабо улыбнулся, встал и, подойдя к сыну, опустился рядом с ним на корточки.

— Итачи, — тот посмотрел ему в глаза, — ты и без того очень дорог для меня. И проходить экзамен на чунинна в пять лет для этого не обязательно, потому что я и без этого бесконечно горжусь твоими успехами, как шиноби. Наоборот, когда я узнал, что ты тоже записан, как участник, я обеспокоился куда больше и никакой радости не испытал. Будь на то моя воля, я бы и Какаши с Шисуи бы туда не пустил: они достаточно навоевались, а экзамен порой даже хуже, чем открытая война. Поэтому будь добр, прежде чем сломя голову бежать что-то делать, приди и посоветуйся со мной. А еще лучше, сначала убедись, что человек, побудивший тебя на это, достаточно хорошо знает меня и твою маму, и уже потом думай, слушать его или нет. Но уверяю тебя, Сарутоби Хирузен точно к этим людям не относится. Хорошо?

Итачи кивнул.

— В этот раз я не стану поднимать шумиху и бежать бить Сандайме за плохие советы, — Итачи улыбнулся уголками губ, — мы просто перебинтуем тебе руку и скажем, что ты повредил ее, когда упал с лестницы. А на твоё место в команде поставим кого-нибудь из других, не участвующих гениннов.

Итачи снова кивнул, Саске, все это время внимательно гипнотизировавший лампу, угукнул и закрыл глаза. Фугаку приобнял сына за плечи, вслед за этим аккуратно забирая Саске.

— А теперь иди спать, пара часов еще есть. Если я правильно помню, у тебя сегодня серьезная тренировка.

И, глядя на удаляющегося Итачи, снова тяжело вздохнул. Быть отцом не так уж и просто, но ему определенно нравится.

Саске завозился, но не проснулся. Ну и хорошо.

***

— Значит Орочимару... — и, свернув свиток, посмотрел на затухающий огонь.

Завтра он отправится в Суну.

Пустынную ночь разрушило деревянное постукивание: как будто множество молоточков стучали, выполняя свою работу.

<http://tl.rulate.ru/book/38968/868828>